

УДК 81'1:130.2

ЯЗЫКОВЫЕ ЗНАКИ КАК ПАРАДИГМА ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Карпенко А.В.

Актуальность. В течение последних лет исследования языка претерпели значительные изменения, которые заставляют еще шире раздвинуть и без того очень широкие горизонты лингвистики. Они подчеркивают огромную роль знаков в человеческой деятельности, утверждая, что семиотические проблемы, обсуждавшиеся учеными с древнейших времен, актуальны сегодня как никогда. Такие крупные ученые, как Платон, Лейбниц, Гегель и Дьюи, Гумбольдт, Кассирер и др., исследовали природу и роль знаков. Изобретение языка, состоящего из знаков и их связей, Гоббс считал наиболее благородным и выгодным из всех других изобретений человека. На коммуникативную функцию языковых знаков указывали Гегель и Гумбольдт, которые подчеркивали роль знаков в формировании духовного мира личности. Благодаря языку индивид усваивает мир человеческой культуры. Языковые знаки, по мнению Гегеля и Гумбольдта, являются средством коммуникации людей, формой взаимной связи между отдельным индивидом и человеческим обществом, его историей.

Постановка проблемы. Теория языкового знака ведет свое начало от Ф. де Соссюра. Положение Соссюра о том, что природа знака произвольна, принимается в качестве очевидной, никем не оспариваемой истины. В «Курсе общей лингвистики» он определяет знак как целое, являющееся результатом ассоциации означающего (= акустического образа) и означаемого (= понятия). Соссюр утверждает, что знак произволен по отношению к означаемому, с которым не имеет никакой естественной связи в реальном мире. Однако же Эмиль Бенвенист настаивает, что связь между означаемым и означающим не произвольна; напротив, она необходима. Понятие («означаемое») неизбежно отождествляется со звуковым комплексом («означающим»). И действительно, они вместе запечатлены в нашем сознании, вместе возникают в представлении при любых обстоятельствах. Симбиоз между ними столь тесен, что понятие является как бы душой акустического образа. В сознании нет пустых форм, как нет и не получивших названия понятий. Таким образом, здесь можно говорить одновременно и о неизменяемости, и об изменчивости знака: знак неизменяем, поскольку в силу своей произвольности он не поддается воздействию с позиций какой-либо разумной нормы; знак изменчив, поскольку, будучи произвольным, постоянно подвержен изменению.

Именно с появлением работы американского ученого «Основы теории знаков» в международной энциклопедии унифицированной науки начинаются систематические исследования в области семиотики. «Понятие знака, – пишет Ч. Моррис, – может оказаться таким же фундаментальным для науки о человеке, как понятие атома для физики, химии или понятие клетки для биологии» [13, с.42]. Знак рассматривается Моррисом как основной агент в развитии «индивидуальной свободы и социальной

интеграции». Семиотика обеспечивает базис для понимания основных форм человеческой активности, так как, опосредованная системой знака, она составляет необходимое звено общественной практики. По мнению Дж. Дьюи, в употреблении знаков и только знаков усматривается «ключ» к объяснению всей человеческой деятельности. «Человек живет в своих символах, подчиняет себя им», – пишет Ч. Моррис [14, с.87], – и сила и слабость человека, его могущество, и его горе, – все это приписывается знакам. Правда, Морриса отличает более широкий подход к теории знаков и языков. Он приходит к выводу, что понятие практического интереса следует расширить таким образом, чтобы оно включало необходимость построения формальных знаковых систем, поскольку они могут использоваться при создании «унифицированной» науки.

К исследованию знаков в разное время обращались Чарльз Пирс, Дж. Мур и др. Пирсу принадлежит ряд важных мыслей о структуре знакового процесса, о классификации знаков и их функциях в познании. Положение Дьюи об инструментальном характере идей и идея Мида о социальной обусловленности знаковых процессов оказали значительное влияние на формирование общей семиотической концепции Ч. Морриса. В работе «Основы теории знаков» (вслед за Пирсом) Моррис исходит из триадической структуры семиозиса. Из трех элементов триадического отношения (знак, десигнат, интерпретатор) семиозиса может абстрагировать для исследования бинарные отношения. Можно изучать отношение знаков друг к другу. Это отношение Моррис называет синтаксическим измерением семиозиса. Изучение этого измерения составляет предмет синтактики. Синтактика как учение о формальной структуре знаковых систем абстрагируется от отношения знаков к объекту и интерпретатору. Можно изучать отношение знаков к объектам, к которым знак применяется. Это отношение называется семантическим измерением семиозиса. Оно изучается семантикой.

Одной из основных характеристик речевых знаков, по нашему мнению, является их предметная отнесенность, что предполагает уже развитую способность отвлечения и обобщения. Языковые знаки – это независимые от контекста той или иной ситуации образования, свойства и отношения окружающего нас мира. Во-вторых, благодаря условной связи с обозначаемыми предметами языковые знаки обладают свойством взаимозаменяемости и системности. В-третьих, знаки дают возможность закрепления и передачи информации со значительным разрывом во времени. Знаки создаются преднамеренно и существуют независимо от отдельных индивидов. В такой неличностной форме знаки представляют собой особую действительность, с которой можно оперировать. Идеальные образы предметов объективируются во внешней форме, опредмечиваются в знаках. Знак, оставаясь самим собой, оказывается в то же время «инобытием» другого предмета, точнее, материальным носителем его идеального образа и орудием оперирования им. Анализ понятия «знак» предполагает выявление характера отношения знака к репрезентируемому предмету. Мы определяем знак как чувственно воспринимаемое явление, которое репрезентирует другой, отличный от него предмет. На природу предмета репрезентации в семиотике не налагается никаких ограничений: это могут быть вещи, свойства и отношения, действия и процессы, психические явления и абстрактные объекты науки, символы других знаковых систем. Итак, в исследовании первостепенное значение имеет, конечно, объективная референция знаков, их соотнесенность с предметами, опосредованная отражающими их представлениями и понятиями. На наш взгляд, только такой подход позволяет выявить эвристическую роль знаков. Общим для всех знаков является то, что каждый из них относит нас к чему-то

другому, отличному от него самого. Выбранный в качестве знака предмет уничтожает свое «наличное бытие» и «дает ему в качестве его значения и его души другое содержание» [2, с.266]. Знаки могут быть классифицированы по разным основаниям, исходя из качества самого знака, его отношения к обозначаемому объекту или интерпретатору. Мы ограничимся здесь классификацией знаков с точки зрения их отношения к репрезентируемым объектам. Это иконические знаки, знаки символы и языковые знаки.

Первые создаются в человеческой культуре путем более или менее точного копирования реальных объектов или явлений. Можно сказать, что вся реалистическая живопись – это собрание иконических знаков. Употребление любого знака-символа основано на договоре между людьми, условия которого «записаны» в многовековой человеческой практике общения и в наиболее явной и непосредственной форме отражены в толковом словаре каждого языка. В отличие от иконического знака, знак-символ не обязан иметь ни малейшего сходства с тем предметом или явлением, которое он обозначает. Так, ненавистный всем автомобилистам «кирпич» – красный круг с белым прямоугольником посередине – может быть расшифрован словами «Проезд запрещен» лишь в том случае, когда человек заранее заучил значение этого знака. Мимические жесты в своем большинстве иконичны (и в силу этого неразложимы на более мелкие единицы).

Напротив, знаки звукового языка (морфемы – корень, приставка, суффикс и слова) являются чистыми символами, поскольку они за малыми исключениями не обладают ни малейшим сходством с тем, что обозначают. Отчасти именно поэтому слова допускают достаточно вольное обращение с собой, правда, лишь в рамках тех правил, которые приняты для этого в каждом отдельном языке. Взяв, например, корневое слово «стол» (выступающее в качестве морфемы), мы можем склонять его – «к столу», «от стола», «под столом»; можем прибавлять к нему приставки, суффиксы, получая в результате совершенно новые языковые символы: «застольный», «столида», «столешница», «столовая» и т.д.

Символы схватывают самую сущность абстрактных идей, придают им чувственно-наглядную форму. Так, огонь – это естественный символ жизни и страсти. Его мобильность и пламенность, жар и цвет делают огонь символом всего, что живет, чувствует и действует.

Надо отметить, что границы знаков очень подвижны; одни знаки могут содержать в себе черты других знаков. Так, математическую формулу, состоящую из языковых знаков, можно рассматривать как иконический знак, так как она изображает структуру репрезентируемых явлений. Ее можно рассматривать и как символ, потому что она выражает собой обобщение, допускающее бесконечное множество единичных интерпретаций. Это и имеет в виду, пожалуй, профессор А.Ф. Лосев, когда пишет: «Современная точная наука пользуется реально обоснованными, математическими формулами, которые дают общее как закон для получения единичного и предлагают единичное как проявление общей сущности и общего закона» [5, с.10].

Наибольший интерес представляют языковые знаки, которые и есть условные знаки в подлинном смысле этого слова. Языковые знаки занимают особое место в мире знаков; все другие, можно сказать, семантически вторичны по отношению к ним. По удачному определению А. Шаффа, «все знаки, кроме словесных, светятся отраженным светом» [8, с.181]. Языковые знаки – это условные знаки, обладающие системным и операционным характером, являющиеся средством коммуникации людей и концептуального отражения действительности. Они являются подлинными знаками

потому, что осуществляют репрезентативную функцию независимо от какого-либо сходства или аналогии со своими объектами и равным образом независимо от какой-либо физической связи с ними.

Именно потому, что языковые знаки не имеют сходства с репрезентируемым содержанием, они служат мощным средством абстрагирования и обобщения, без которых немыслимо познание вообще. Основными социально значимыми системами языковых знаков являются звуки в речевой деятельности и графические знаки при письме. Поскольку между этими системами знаков существует изоморфное соответствие, рассмотрение одной из них предполагает другую (частичное расхождение между начертанием и произношением для гносеологии несущественно). Более того, «написанное слово столь тесно переплетается с произносимым, чьим изображением оно, в конце концов, присваивает себе главенствующую роль; в результате изображения речевого знака приписывается столь же или даже больше значения, нежели даже самому этому знаку» [7, с.46].

Все это обуславливает необходимость более подробного анализа определяющих свойств языкового знака, из которых мы выделяем: 1) материальность знака, 2) его условность и 3) осмысленность знака. К материальной характеристике знаков относятся чувственная воспринимаемость, структурная организованность знаковых форм, то есть их линейно упорядоченный характер. Важен не способ начертания сам по себе, а такие различия, которые позволяют отличать этот знак от всех прочих внутри определенной системы. В языке, как и во всякой семиологической системе, то, чем знак отличается, и есть все то, что его составляет. Языковая система есть ряд различий в звуках, комбинированный с рядом различий в идеях [7, с.119-120].

Определение Соссюром языка как мысли, организованной в звучащей материи, близко к пониманию языка как непосредственной действительности мысли. Вполне логично (в соответствии с таким пониманием языка), что в качестве языковой единицы Соссюр выделяет «отрезок звучания», являющийся (с исключением того, что ему предшествует, и того, что за ним следует) в речевой цепи означающим некоего понятия [7, с.106]. Этой осмысленной единицей языка является слово. Осмысленность языковых знаков, то есть их способность выражать человеческие знания, является действительно их внутренним определяющим свойством. Языковые знаки представляют собой общественную форму бытия человеческих знаний. Учитывая это нерасторжимое единство знака и значения (нет сомнения, что даже этимологически слово «знаю» связано с глаголом «знать»), в качестве основных знаковых единиц мы рассматриваем такие элементы языка, чувственное восприятие которых пронизано семантико-смысловой категоризацией. Это слова, предложения, лингвистические операторы (глаголы, связки, союзы и т.д.). Звуки или буквы, то есть компоненты выражения, не имеющие собственного содержания, Л. Ельмслев назвал «фигурами». Выявление значения, зашифрованного в знаковом сообщении, осуществляется путем декодирования, где код означает способ упорядочения знаков в определенную систему, благодаря чему выполняются коммуникативная и др. функции языка.

Понятие знака является прямой противоположностью образа. Знак есть непосредственное созерцание, представляющее совершенно другое содержание, чем то, которое оно имеет само по себе [2, с.256, с.266]. Знак репрезентирует тот или иной предмет независимо от какого-либо сходства с ним, равным образом независимо от какой-либо естественной причинной связи с обозначаемым объектом. Знак находится в отношении внешней координации с обозначаемым предметом; он не предполагает ни объективной реальности предметов, которые обозначаются, ни их первичности по

отношению к знакам, ни причинно-следственной связи. Понятие «образ» выражает идеальный характер, отражательную сущность наших знаний, их объективную детерминированность; «знак» – материальный способ их существования. Важно то, что познавательный образ не существует вне материального воплощения с помощью языковых знаков. В свою очередь, слово представляет собой «наличное бытие, оживленное мыслью» [2, с.273]. Это означает неразрывное единство знака и образа, посредством которого и реализуется эвристическая роль знаков. Активность образа детерминирует активность знаков; последняя, в свою очередь, представляет собой необходимое условие активности образа.

Подведем итоги. Знак неизменяем, поскольку в силу своей произвольности он не поддается воздействию с позиций какой-либо разумной нормы; знак изменчив, поскольку, будучи произвольным, постоянно подвержен изменению. В своей совокупности знаки образуют язык, который в семиотической теории, с одной стороны, выступает как «интерпретант всех прочих систем» (Э. Бенвенист), но в то же время оказывается «частным случаем семиотической функции» (Пиаже).

Условность знака оказывается тем свойством, которое обеспечивает выражение бесконечного содержания человеческой мысли с помощью ограниченного числа средств (фонем, букв), более того – непрерывный рост наших знаний. Выявление значения, зашифрованного в знаковом сообщении, осуществляется путем декодирования, где код означает способ упорядочения знаков в определенную систему, благодаря чему выполняются коммуникативная и др. функции языка.

Список литературы

1. Валлон А. От действия к мысли. – М.: Иск-во, 1956. – С.5-90.
2. Гегель Г.В.Ф. Философия духа: Собрание сочинений. – М., 1956. – Т.3. – С.200-273.
3. Гегель Г.В.Ф. Эстетика: В 4 т. / Пер. с нем. М. Лифшица. – Т.2. – М.: Иск-во, 1969. – 326 с.
4. Кассирер Э. Философия символических форм. – Т. 1. Язык. – М.; СПб.: Университетская книга, 2002. – 272 с.
5. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – М.: Иск-во, 1976. – 367с.
6. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. – М.: Просвещение, 1969. – 659с.
7. Соссюр Ф. Де. Курс общей лингвистики. – М.: Соцэкгиз, 1933. – 272 с.
8. Шафф А. Введение в семантику / Пер с польск. М.Я.Гловинской (и др.) Вступ. ст. В.А. Звсгичева. – М.: Иностранная литература, 1963. – 376с.
9. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против»: Сб. науч. р.: Пер с англ., франц., чеш., пол., болг. – М.: Прогресс, 1975. – С. 193-231.
10. Bertalanffy L. On the Definition of the Symbol // Psychology and the Symbol. Ed. by T.R. Royce. – N.-Y., 1965. – P.4-35.
11. Cassirer E. Was its der Mensch. – Stuttgart, 1960. – P.10-39.
12. Langer S. Philosophy in a New Key Cambridge, 1951. – P. 3-100.
13. Morris Ch. Foundation of the Theory of Signs. – International Encyclopedia of Unified Science. – N.-Y., 1938. – Vol. 1. – P.3-154.
14. Morris Ch. Significance and Signification. – Cambridge, 1964. – P. 2-120.

Поступила в редакцию 10.04.2006 г.